



**Соколова Нина Павловна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "**

Своими воспоминаниями о войне со мной поделилась Соколова Нина Павловна, которой было всего лишь семь лет, когда началась Великая Отечественная Война. Она не просто пережила войну, она прошла три концлагеря, гонения после войны... Но она не утратила любовь к жизни.

Нина Павловна много лет посвятила своей любимой работе – преподаванию в техникуме. И встречи с нами, волонтерами проекта «Я из прошлого протягиваю мост...», переносили ее в то время, когда она общалась со своими учениками. Она была рада вновь поделиться своими знаниями и воспоминаниями с молодым поколением.



Наталья Попцова и Нина Павловна

ИСТОРИЯ СОКОЛОВОЙ НИНЫ ПАВЛОВНЫ

1941... 22 июня... Гатчина...

В дом вошла наша мама и кричит «Павлик! Война! Началась война!.. Выступает Сталин...» Все сбежались, и наш отец объявляет: «Ну что ж, надо ехать на завод. Я пойду в Народное Ополчение, на фронт». А мама в то время работала управдомом. Поскольку у папы был «белый билет», то было решено, что он вместе с заводом поедет в Сибирь.

Итак, я, папа, мама, бабушка, дедушка и моя сестра – пятилетняя Валя – поехали в Ленинград, чтобы дальше поехать с заводом. Но немцы уже начали бомбить, и мы смогли добраться только до станции Александровка. Там стоял военный патруль, папа показал направление, объяснил, что мы едем в Ленинград. Но нам сказали: «Ленинград уже закрыт, так что занимайте любой освободившийся дом». Папа так и сделал, нашли дом с краю, ну и остановились там.



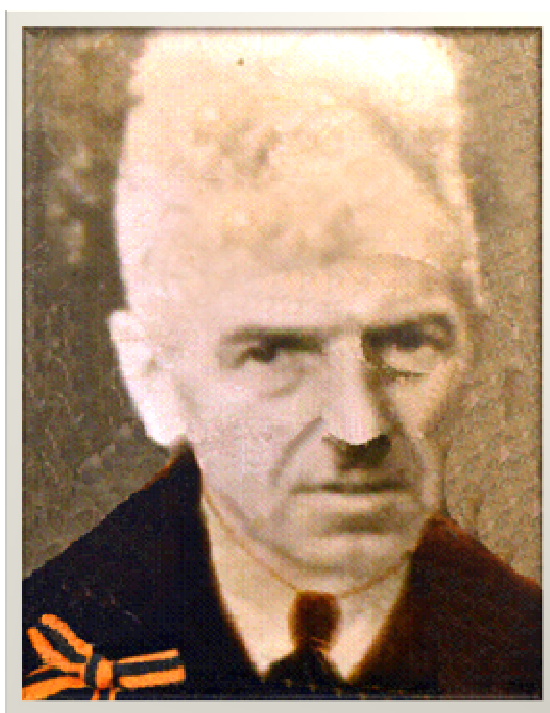
***Москалец Вера Николаевна – мама Нины Павловны
(1905 года рождения)***

Самолеты летали армадами, просто армадами...

И в один прекрасный день мы видим, что по улице идут наши солдатики... грязные, голодные, кто раненый, кто с винтовкой, кто без... отступают.

Мы не знали, что делать.

Но нашли на огороде маленький окопчик, папа посадил нас¹ туда с мамой и бабушкой, накрыл нас мешком. Папа с дедушкой прошли всю войну до Берлина, и папа никогда ни в одном окопе не сидел. Как он говорил: «Если вас засыпет, то кто же будет вас спасать?».



***Москалец Павел Константинович – отец Нины Павловны
(1905 года рождения)***

И вот, значит, однажды сидим мы в этом окопе. Но вдруг мешок, раз, и сорвали. И видим перед собой немца, на нем очки мотоциклетные и автомат в руках. Он спросил: «Russisch?», - и показал жестами, чтобы мы подняли руки. Мама сказала: «Я первая пойду. Если уж расстреляют, то меня». Мы вышли из окопа и видим, что и папа с дедушкой стоят с поднятыми руками. Немцы поджигали дома, а нас всех (много народу с Александровки было) собрали на поле. Немецкие офицеры встали в середину и переводчик спросил: «Кто

¹ нас – нас с сестрой

откуда?». Мама сказала: «Мы из Гатчины». А ей ответили: «Поезжайте туда, откуда вы приехали».

Когда мы ехали обратно, вдоль дороги повсюду лежали наши солдатики: карманы вывернуты и без сапог. Въезжаем мы в Гатчину, повсюду стоят жандармы. Переводчик спрашивает, откуда мы, мама отвечает, что мы жили в Гатчине на улице Госпитальной.

Приехали, значит, мы к нашему дому, там была береза здоровенная. Она спасла дом, так как снаряд попал в березу, а не в дом. Тут начинается оккупация.

Рядом с нашим домом был лагерь военнопленных. И военнопленные занимались тем, что разбирали дома на дрова, даже хорошие дома разбирали. И мама в этом лагере познакомилась с военнопленным. И он ей говорит: «Вера Николаевна, вы не можете помочь? У нас военврач оперировал офицера, и тот умер. И нашего врача должны убить». А мама тогда работала в рабочей бригаде. И мама отвечает: «Я спрошу. Я спрошу». Ей сказали, что до утра должен быть ответ. И мама, можно сказать, вступила в подпольную организацию. Военврач Иван Иванович, медсестра Тося и лейтенант (еще один военврач) дали маме задание: «Вера Николаевна, вы должны через весь город пронести питание и положить его на кладбище, около храма, слева».

Мы с Валею тогда тоже получали паек хлеба. И мама пайки, положенные нашей семье, отчасти откладывала и сушила сухари. И вот мама через город (а повсюду были патрули, и ее могли остановить на каждом шагу) пронесла отложенное продовольствие. А другой дорогой туда же пришел Иван Иванович и сказал маме: «Вера Николаевна, вы - настоящая русская женщина!» На что мама ответила: «А как же иначе, Иван Иваныч? Вы же военврач, капитан... А мы что, за немцев что ли?».

И вот однажды пришли немцы и погнали нас на вокзал, в железнодорожные составы. Значит, там было так. Немецкие пассажирские вагоны были с немецкими офицерами, а вот по бокам вагоны для русских, украинцев, – в общем, для славянских национальностей. Немцы за счет нас как бы отгородились.

И первый город, в который мы приехали, был Рига. Когда нас выбросили, мы смотрим – идут евреи. Мы поняли это по желтым звездам на одежде. И когда они стали проходить, мы все, как один, кланялись и выкрикивали: «Держитесь!». Евреев увезли, а нас поместили в их здание.

Помню, рядом была русская церковь, и там хоронили каждый день. А мы – дети – понимали, что туда приходят поминать, и каждый день ходили на кладбище около церкви и стояли. И кто даст нам пирожок, кто половинку булочки, но это никогда не ели, а носили маме, а она уже делила между всеми. Жили более-менее...

Через некоторое время нас снова поместили в эшелоны и привезли в другой концлагерь. Как потом мы узнали, это был Ганновер². И помню, когда мы вышли из фургонов, увидели поле и нескончаемую колючую проволоку под током, вдоль которой шли наши военнопленные. Когда мы выгрузились, они побежали все-все-все. А мы стали кричать: «Мы русские! Нас немцы привезли, не знаем куда». Один капитан спросил: «Скажите, а как Москва?». Мы ответили: «Сталин на месте...». А они как услышали Сталин, сразу закричали «Ура!». Тогда немцы, увидев, что военнопленные разговаривают с нами, стали лупить их дубинками. Но наши военнопленные продолжали кричать: «Ура! Да здравствует Сталин!». А нас погрузили в закрытые металлические фургоны, даже дышать было нечем, и опять куда-то повезли. Вдруг чувствуем, остановились. Вышли надзиратели, открыли ворота и выгрузили нас к баракам. Но прежде всего нас загнали в какую-то большую комнату и сказали всем догола раздеться. Мужчины и женщины, да и дети очень стеснялись... Нас строем погнали в узкий коридор, в конце которого около металлической бочки с кляпом стояли немцы. Мы по очереди подходили, и они нас мазали коричневой мазью, которая очень сильно резала глаза. И потом нас пустили под холодный душ. Было такое ощущение, что у нас съежились души. После этого нас отвели в бараки. Там рядами стояли двухъярусные нары, наша семья заняла свое место, и вот начался наш ад...

Это был Лагерь Смерти... Там был крематорий с квадратной высокой трубой, в котором сжигали по дням и из которого шел черный дым. И, знаете, там были

² Ганновер – город в Германии. В 1943 сооружено 4 концлагеря в предместьях Ганновера (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ганновер>)

лошади, тянущие за собой длинные-длинные узкие телеги, в которых кучей лежали живые, полуживые, мертвые. Крематорий работал круглосуточно. Каждое утро нас выстраивали на апель³ и все считали, сколько в каждом бараке...

Наши войска уже тогда бомбили немцев. А нам оставалось только молиться: «Господи пронеси мимо нас! Господи...».

Но на этом наши мытарства не закончились. Нас снова посадили в металлические фургоны. И мы едем, едем, едем - не знаю, как и куда... и вот остановились. Это был концлагерь в Берлине. Выходим из фургонов и видим высокие-высокие ворота, стоит охрана и там дом. Мы поняли уже, что это не бараки были, а дом – шестиэтажный, как будто это когда-то было учебным заведением. Мы жили на последнем этаже, в комнатах стояли двухъярусные нары.

Всех узников распределили работать на железную дорогу. Мама и другие женщины мыли приходящие вагоны с ранеными, а отец и остальные мужчины чинили непосредственно железную дорогу (шпалы, рельсы и т. д.).

Мама там познакомилась с военнопленными, а у них был передатчик. И они слушали информбюро, последние сводки из Москвы. Мама, конечно, переписывала сводки и приносила в лагерь извещения. И вот в один прекрасный день все ушли на работу, а мама приболела, и фельдшер отстранил ее от работы. И вот мы вдвоем остались в нашей комнате. Вдруг открывается дверь, и я вижу, что большая собачья голова высовывается из-за двери – это была овчарка. А за ней входят два немца, один из них показывает маме на руки и сразу защелкивает наручники. В этот момент меня оттолкнули от матери, и я отлетела к столу. Мама только успела крикнуть: «Скажи папе! Скажи папе!».

Когда папа вернулся с работы, я рассказала, что произошло днем. А папа даже не знал, что мама связана с нашими военнопленными. Мама никому не говорила, только передавала сведения в маленькие политические группки, которые были среди некоторых узников и военнопленных.

³ Апель – плац для переключки

Также в этом лагере случилось еще одно печальное событие. Когда дедушка укладывал шпалы на железной дороге, на него наехал паровоз. Так я потеряла дедушку.



Образ Нины Павловны, просящей милостыню в берлине. Портрет написан ее подругой, Елизаветой Григорьевной Максименко

Но был со мной в Берлине и такой добрый случай. Мы с сестрой ходили просить милостыню в город. И однажды мимо нас проходил мальчик в клетчатом костюме и бриджах. Он остановился и оторвал мне талончик на хлеб, пошел дальше, но сразу вернулся и кинул деньги к нашим ногам. И мы счастливые побежали скорей в булочную. Немка, посмотрев на нас, поняла, кто мы, и дала четверть хлеба, хотя по талончику полагалось булочку 50 грамм. И мы радостные побежали сразу в лагерь.

Тем временем наш лагерь непрерывно бомбили, бомбили по часам: утром – англичане, потом американцы, а ночью – наши. Мы видели, как с неба слетали кубы, сброшенные с наших самолетов. Это была фольга, прессованная в кубик. Когда кубы попадали под прожекторы, то блестели, и немцы били по ним. Такая вот была придумка у наших войск. Также мы слышали, как «Катюши»⁴ бьют.

И в один прекрасный день охрана ушла, лагерь фюрера тоже, нас вообще не кормили ни грамма – мы остались одни и стали ждать, что будет после.

Они не успели нас подорвать, наши саперы обнаружили взрывчатку вовремя.

И, смотрим, прямо по колючей проволоке едет наш танк. Многие выскочили его встречать, я тоже не утерпела и побежала туда, где стоял мой отец. Он разговаривал с капитаном. Я подошла и сказала: «Дяденька! У нас мамы нет... мы тут с папой...» А он отвечает: «Тихо доченька, тихо, сейчас... Павел Константинович надо быстро уходить из лагеря, потому что могут сдавать квартал». Капитан написал бумагу о том, чтобы нашей семье оказывали всякое содействие. Он продолжал разговор с моим отцом: «Сейчас пойдете по Гитлерштрассе и как только увидите нашу часть, вы эту бумагу покажете, вам помогут, накормят, предоставят ночлег». Мы так и сделали.

Подходим мы к Браденбургским воротам, наш солдат с бородой стоит рядом с телегой, полной каких-то вещей. И он подошел к папе и говорит по-русски: «Снимай часы!». А я сразу начала заступаться за отца: «Что вы? Это мой папа, этот папины часы!». Тогда солдат взял автомат в руки. И я ему говорю: «Дяденька, стреляйте в нас, только не берите папины часы». Папа снял свои часы и отдал солдату. А я смотрю, там лежит аккордеон на улице, и говорю: «Возьмите аккордеон, только не берите часы. Возьмите, пожалуйста, аккордеон...». Солдат забрал и аккордеон, и часы.

Дальше мы ехали по Гитлерштрассе и добрались до города Котбуса⁵. Там был организован наш лагерь, откуда отбывали эшелоны на родину. Первый

⁴ «Катюша» - появившееся во время Великой Отечественной войны неофициальное название бесствольных систем полевой реактивной артиллерии (БМ-8, БМ-13, БМ-31 и других). (URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Катюша_\(оружие\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Катюша_(оружие)))

⁵ Котбус - город на востоке Германии. (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Котбус>)

эшелон был набран из белорусов, следующий из украинцев, а русские отправлялись последние.

И вот пока мы жили в городе Котбусе в ожидании отправления нашего эшелона, я попала в госпиталь. Я была настолько истощена, что однажды утром у меня появилась маленькая болячка, а к вечеру уже была язва до костей, начинался туберкулез. И вот меня положили в военный госпиталь. Там была Капитан, которая очень привязалась ко мне, и когда пришло время выписываться, она обратилась к моему отцу с просьбой о моем удочерении, обещала выучить меня, все дать. Капитан потеряла мужа на войне, а детей у нее не было, муж погиб на фронте. Павел Константинович, выслушав просьбу Капитана, посмотрел на меня. Но я тут же уцепилась за отца и сказала: "Папа, да ты что? Папа, разве я могу? Я только домой, только с вами...". И я вместе с семьей вернулась домой в третьем ленинградском эшелоне.

Ленинград был уже открыт. Как мы выгрузились из вагонов, папа сразу же пошел на завод. Директор ему сразу же дал денег и сказал: «Павел Константинович! Бери машину, забирай своих деток, комнату мы тебе даем. Завтра выходи на работу!». Так и было: нам дали комнату в Гатчине, а папа вернулся работать на завод.

Мы не знали, где наша мама. Мы думали, что ее уже нет в живых. Тем временем, я и Валя снова пошли в школу. Папа поехал в Ленинград к брату, а когда вернулся, рассказал, что маму нашел. Оказалось, что когда лагерь Равенсбрюк⁶, в котором находилась мама, освободили, мама почти не могла ходить, как и многие другие узники. И было решено устроить там госпиталь, чтобы поставить освобожденных на ноги, подлечить, накормить. И мама стала писать письма в Ленинград брату отца. И тогда мы написали письмо в Равенсбрюк матери.

И однажды ночью мы уже спали, как вдруг кто-то постучал в окно, а жили мы на первом этаже. Я подошла к окну и слышу, мамин голос спрашивает: «Москалец здесь живут?». Мы с Валею переполошились, не можем найти одежду, разбудили

⁶ Равенсбрюк - концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина около одноименной деревни, сейчас ставшей частью города Фюрстенберг. (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Равенсбрюк>)

бабушку. Она вообще ничего не понимала. Дверь была закрыта, я сообразила и открыла крючок. Мама вошла, мы все очень обрадовались.

А папа тогда гостил у брата в Ленинграде и купил нам с Валею по паре сапог. Когда он вернулся домой, мы все сидели за столом. Он заходит в комнату, восклицает: «Ой, Верушка!», - и сапоги падают на пол. Вот так наша семья воссоединилась.

Но война нас не отпускала и в послевоенное время. Был такой случай. Во дворце пионеров мне дали направление в балетное училище. Я распрощалась с классом, с учителями, похвасталась, что буду теперь учиться и жить в балетном училище в Ленинграде.

Приехали мы с мамой в это училище. Она оставила меня подождать в коридоре, а сама пошла в канцелярию. Я сижу, жду. И вот мама выходит и шепчет: «Доченька, только тихо. Мы никогда больше не будем рассказывать, что были в лагере». Тогда я начала говорить: «Что я могла сделать в лагере? Я ведь совсем ребенок!». Эта ситуация для меня была шоком.

Мы вернулись домой. Я очень боялась идти в школу, думала, что засмеют: «Распрощалась! Балерина!». Мама утром ходила в школу к учительнице, объяснила наше положение. Я совсем не хотела идти, но мама уговорила меня: «Иди, доченька, иди, все будет хорошо!». Когда я зашла в класс, то сразу услышала возгласы: «Ой, Ниночка пришла! Садись скорей на свое место!».

В то время никто не рассказывал, что был узником концлагерей. Иногда даже муж и жена друг от друга скрывали этот факт. И узнавали только через много лет, прожитых вместе. Детям тоже не рассказывали об этом. В нашей стране мы были изгои.

Но время шло. И вот однажды перед 9 мая я сидела дома и слушала радиопередачу: одна депутат говорила про войну. Это был прямой эфир с участием радиослушателей. И я решила задать вопрос о бывших узниках концлагерей. И позвонила.

- Кто вы? - спрашивает депутат.

- По профессии? - переспрашиваю я, не сразу поняв, что она подразумевала.
- Нет, кем вы во время войны?
- Узница. Была в лагере.
- А вы состоите в организации?
- А разве такая есть? – удивилась я.
- Есть, во дворце пионеров на Невском проспекте.
- Ой, спасибо, большое спасибо! – поблагодарила я и скорее побежала туда.

Когда я пришла во дворец пионеров, там сидела комиссия. Мне сказали, что необходимо принести некоторые документы. Я их принесла, потом мне предложили работать в совете, и я с радостью согласилась. С той поры и по сей день я состою в совете союза бывших малолетних узников концлагерей.

Воспоминания записали и оформили

Наталья Попцова и Алена Порфоева.

2012 -2013 гг.